

«Хотел бы я позабыть долгий и трудный поход сквозь зимние леса, последовавший за нашей встречей с Детьми Ульрика. И по сей день мне причиняет боль воспоминание о казни, что свершили мы над девушкой Магдаленой; однако спутник мой был непреклонен, а зло на нашем пути не знало пощады, если выдавалась такая возможность. В тот раз иначе быть не могло. С тяжёлым сердцем мы снова вступили в лес и направились на север.

В конце долгого пути мы оказались в великом городе Нульне — средоточии утончённости, изысканности, богатства, высокой образованности — городе, в котором моя семья издавна занималась торговыми операциями. В то время графиня Эммануэль находилась в зените своей славы, власти и красоты, а её город привлекал богачей, аристократов и знаменитостей, как пламя свечи притягивает мотыльков. Нульн был одним из прекраснейших городов во всей Империи.

Конечно же, наше вступление в городскую жизнь произошло на самом нижнем уровне социальной шкалы. Голодные, утомлённые долгим путешествием, с деньгами на исходе, мы были вынуждены подражаться на работу, которая, возможно, была самым худшим занятием за все наши длительные странствия. Тогда-то мы и повстречались со злодеем, который сглазил наши пути-дороги на долгие последующие годы».

„Мои странствия с Готреком“ Том III, Феликс Ягер (Альтдорф Пресс 2505)

— Застрять в канализации, охотясь за гоблинами. Эх, что за жизнь, — с чувством проворчал Феликс Ягер, проклиная всех богов.

В своё время он считал себя кем-то вроде эксперта по малопривлекательному окружению, но эта ситуация воистину оказалась на призовом месте. Двадцатью футами выше население города Нульна проводило день в законопослушной деятельности. А он тут, во тьме, пробирается по узким проходам, где, оступившись, можно с головой оказаться в зловонных нечистотах. Сутулость на протяжении часов вызвала боли в спине. В действительности, за всё время долгого общения с Истребителем Троллей Готреком Гурниссоном он никогда так низко не падал.

— Кончай ныть, человеческий отпрыск. Это работа, не так ли? — бодро произнёс Готрек, не обращая ни малейшего внимания на вонь, узость проходов и близость пузырящегося месива экскрементов, которое стражи канализации прозвали „рагу“.

В бесконечном лабиринте кирпичных стен и каналов Истребитель чувствовал себя как дома. Коренастая мускулистая фигура Готрека была намного лучше приспособлена к этой работе, чем тело Феликса. Подобно коту, гном уверенно прокладывает свой путь по краям канав. За те две недели, что они служили в канализационной страже, Готрек стал более искусным в работе, чем ветераны, более десятка лет находящиеся на этой службе. Но ведь он был гномом, его соплеменники обитали в недоступных свету местах глубоко под поверхностью Старого Света.

«Это весьма полезно — обладать зрением в темноте и не зависеть от мерцающего освещения, что дают светильники дозорных, — думал Феликс. — Однако это не объясняет того, как ему удаётся выдерживать вонь. Вряд ли даже в цитаделях гномов воняет настолько мерзко». Здесь, под землёй, зловоние было особенно отвратительным. Он испытывал головокружение от испарений.

Истребитель Троллей выглядел непривычно без своего постоянного оружия. Феликс уже начинал подумывать, что боевой топор таки прирос к руке Готрека. Но теперь огромный топор из небесного металла был закреплён на ремнях за спиной. В большинстве канализационных

проходов было слишком тесно для замаха. Феликс безрезультатно пытался убедить Готрека оставить оружие в оружейной комнате стражи наряду с его собственным магическим мечом. Даже возможность, оступившись, утонуть в нечистотах, будучи утянутым на дно весом топора, не подвигла Истребителя расстаться со своей излюбленной фамильной ценностью. По этой причине Готрек нёс метательный топорик в правой руке и здоровую боевую кирку в другой руке. Мурашки побежали по коже Феликса, когда он представил, какова эта кирка в действии. Она была похожа на здоровенный молот с устрашающего вида шипом с одной стороны. Феликс не сомневался, что в руках гнома, обладающего внушительной физической силой, она с лёгкостью способна дробить кости и разрывать мышцы.

Феликс крепче сжал свой острый меч, мечтая о том, чтобы снова вооружиться магическим клинком с эфесом в форме дракона, что достался от рыцаря-храмовника Альдредра. В отсутствие привычного оружия вероятность повстречать во тьме гоблинов не прибавляла ему бодрости. Возможно, Готрек всё же не зря оставил свой топор при себе.

В сумрачном свете светильника тёмные фигуры стражников из их группы выглядели зловеще. Они были одеты по-разному, за исключением неизменных шарфов, обёрнутых вокруг голов наподобие аравийских тюрбанов, с длинным, закрывающим рот отворотом. Однако за последние пару недель Феликс достаточно узнал их, чтобы различать по очертаниям.

Высокий и худощавый Гант, чьё скрытое шарфом лицо со следами оспы похоже на лунную поверхность, а шея с набухшими прыщами — на архипелаг вулканического происхождения. Гант, вероятно, был лучшим наглядным подтверждением того, что не стоит оставаться стражем канализации на протяжении пары десятков лет. Феликса едва не передёргивало при мысли о его беззубой ухмылке, скверном дыхании и дурных шутках. Но он никогда не показывал этого перед лицом Ганта. Сержант намекал, что за это им было убито немало людей.

Приземистый, обезьяноподобный гигант Руди, с большой бочкообразной грудной клеткой и ручищами величиной с Готрека. Он и Истребитель Троллей частенько после трудового дня боролись на руках в таверне. Несмотря на столь чрезмерные усилия, что пол лился градом с его плешивой головы, Руди никогда не побеждал гнома, хотя был ближе к этому, чем кто-либо из людей на памяти Феликса.

Хеф и Паук, которых Гант называл новичками, так как они были среди стражей канализации „всего“ семь лет. Они были неотличимыми близнецами; на поверхности они жили с одной и той же женщиной и имели привычку продолжать высказывания друг друга. Их вытянутые лица с квадратными челюстями и крупными рыбьими глазами, выглядели настолько странно, что наводили Феликса на подозрение — а не обошлось ли тут без кровосмешения или мутации. Не вызывало сомнения, что в рукопашной они смертельно опасны, верны друг другу и своей девушке Гильде. Феликсу как-то довелось видеть, как они своими длинными загнутыми ножами жестоко расправились с сутенёром, что посмел её оскорбить.

И вместе с этими людьми работали Феликс и коренастый одноглазый гном, в команде самых отчаявшихся из когда-либо ему встречавшихся. Они были людьми порочными, не имевшими возможности подыскать достойную работу, но в конце концов нашёлся работодатель, не задававший лишних вопросов.

Временами Феликс готов был сдаться, пойти в контору компании отца и просить денег, чтобы покинуть это место. Он знал, что их получит. Ведь он сын Густава Ягера, одного из богатейших купцов Империи. Но он также понимал, что известие об этом дойдёт до семьи. Они поймут, что после всего своего бахвальства он готов приползти к ним обратно. И они узнают, что он взял деньги, к которым относился с таким презрением. Конечно же, в тот день, когда он со

скандалом покинул семейный дом, презирать деньги было просто, никогда не испытывая в них недостатка. И угроза отца, что тот отречётся от него, не имела смысла — Феликс её просто не осознал. Он вырос в богатстве. Бедняки же, то совсем иной вид человека — унылые, болезненного вида фигуры, попрошайничающие на перекрёстках и мешающие проезду экипажей. С тех пор он поумнел. У него случались затруднения, и Феликс полагал, что умеет справляться с ними.

Но, возможно, последней каплей станет та нужда, что заставила стать стражем канализации, нижайшим из всего наёмного отребья Нульна. Но ничего другого просто не оставалось. С момента их прибытия никто более не пожелал нанять таких потёртых бродяг, как он и Готрек. Мысль о том, какой внешний вид он имеет в своём залатанном плаще и изорванных штанах, приносила Феликсу страдания. Он всегда одевался изысканно.

А теперь им нужны деньги, любые деньги. Их долгое странствие через земли князей Порубежья не принесло дохода. Они отыскивали утраченное сокровище Карака Восьми Вершин, но оставили его призракам былых владельцев. У них был выбор — найти работу, воровать или голодать; но чувство собственного достоинства не позволяло Феликсу и Истребителю Троллей воровать или попрошайничать. Так они оказались в канализации Нульна — средоточия учёности, второго по величине города Империи, который Феликс мечтал когда-то посетить, — обследуя склизкие туннели под резиденцией курфюрста Эммануэль — самой известной красавицы государства.

Это было непереносимо. Феликс постоянно размышлял о том, что родился под несчастливой звездой. Он утешал себя мыслью, что, по крайней мере, всё спокойно. Возможно это и грязная работа, но пока она не кажется опасной.

— Следы! — услышал он крик Ганта. — Хе, хе! Похоже, мы обнаружили мелких негодников. Приготовьтесь, парни.

— Хорошо, — пробасил Готрек.

— Чёрт! — пробормотал Феликс.

Даже неопытный страж, вроде Феликса, не мог не заметить эти следы.

— Скавен, — Готрек отхаркнул здоровенный комок слизи в главный канал канализации, и тот заблестел на куске светящихся водорослей. — Крысолюди, отродье Хаоса.

Феликс чертыхнулся. На работе всего только пару недель и уже повстречалось одно из созданий глубин. Он уже готов был посчитать байками росказни Ганта, полагая их фантазиями человека, которому нечем более занять своё унылое времяпровождение.

Феликс долго удивлялся, а может ли вообще существовать под городом абсолютно ненормальный подземный мир, описанный Гантом. Могут ли там быть группы мутантов-изгоев, которые нашли убежище в тёплой темноте и по ночам выбираются для набегов на рынок в поисках объедков? Существуют ли на самом деле подземелья, где запретные культы проводят жуткие ритуалы и приносят человеческие жертвы Силам Разрушения?

Возможно ли, что огромные крысы, внешним видом подражающие строению человека, действительно скрываются в глубинах? При взгляде на эти следы подобное неожиданно показалось достаточно возможным.

Феликс замер в раздумьях, припоминая рассказы Готрека о скавенах и их сети подземных

туннелей, распространяющейся по всему континенту. Гант дёрнул его за рукав.

— Ладно, займёмся этим, — сказал сержант. — Мы не должны терять время.

— Раньше я тут не бывал, — прошептал Хеф, и голос его эхом отразился от протяжённых стен коридора.

— И не хотел бы оказаться здесь снова, — добавил Паук, потирая на своей щеке татуировку синего паукообразного.

На этот раз Феликс был вынужден с ним согласиться. Даже для канализации Нульна это место выглядело гнетущим. Стены были осыпающиеся, со следами гниения. От старости очертания маленьких горгулий на поддерживающих сводах размылись так, что детали уже невозможно было разглядеть. „Рагу“ пузырилось, и крошечные язычки испарений поднимались от прорвавшихся пузырей. Воздух был спёртый, зловонный и тёплый.

И было кое-что ещё — атмосфера этого места была более гнетущей, чем обычно. Волосы на шее Феликса встали дыбом, как бывало, когда он ощущал вблизи скрытые магические силы.

— Выглядит не слишком надёжно, — заявил Руди, подозрительно разглядывая потолочный свод.

Лицо Готрека скривилось, словно ему нанесли личное оскорбление.

— Чушь, — ответил он. — Эти туннели сооружены гномами тысячелетие назад. Качественно выполнены руны Кхазалида{1}. Простоит вечность.

В доказательство он стукнул кулаком по своду. К несчастью, именно в этот момент горгуля свалилась со своего насеста.

Избегая удара по голове, Истребитель отпрыгнул в сторону, едва не соскользнув в „рагу“.

— Ну, разумеется, — добавил Готрек. — Кое-что было сделано мастерами-людьми. Например, вон та горгуля — типичное низкопробное творение человека.

Никто не засмеялся. Только Феликс осмелился всего лишь улыбнуться. Гант уставился на потолок. Светильник у его ног еле освещал лицо, придавая ему жуткий и демонический вид.

— Должно быть, мы под Старым Кварталом, — тоскливо произнёс он.

Феликс заметил, что тот представил себе квартал дворцов. Необычно печальное выражение отразилось на вытянутом костлявом лице Ганта. Феликсу было интересно, размышляет ли тот о различии своей жизни и золочёном существовании тех, кто наверху, представляя роскошь, которой он никогда не знал, и возможности, которых никогда не имел. На мгновение он испытал что-то похожее на сочувствие к этому человеку.

— Должно быть, там целое состояние, — сказал Гант. — Хотел бы я забраться и завладеть им. Ладно, нет смысла терять время. Вернёмся к нашему делу.

— Что это было? — внезапно спросил Готрек.

Остальные испуганно оглядывались вокруг.

— Что за что? — спросил Хеф.

— И где это что? — прибавил Паук.

— Я что-то слышал. Вон там.

Все посмотрели в сторону, куда был направлен указательный палец Истребителя Троллей.

— Тебе показалось, — сказал Руди.

— С гномами подобного не случается.

— Эй, сержант, будем осматривать? Домой хочется, — заныл Руди.

Гант потёр свой левый глаз костяшками пальцев правого кулака. Похоже, он призадумался. Феликсу были понятны его колебания. Он, как и остальные, хотел бы побыстрее свалить и оказаться в таверне, но это была его ответственность. Именно его голова легла бы на плаху, если бы что-нибудь скверное произошло под дворцами и выяснилось, что находясь там, они ничего не предприняли.

— Лучше пойдём, поглядим, — в конце концов произнёс он, не обращая внимания на стоны остальных стражей. — Это ненадолго. Бьюсь об заклад, там ничего нет.

Памятуя о своём везении, Феликс решил, что эту ставку принимать не стоит.

Вода стекала по своду туннеля. Гант так прикрыл отверстие своего светильника, что были заметны только слабые проблески света. Впереди послышался звук голосов. Теперь даже Феликс слышал их.

Один был голосом человека, судя по произношению — аристократа. Но нельзя было даже предположить, что другой голос принадлежит человеку. Это было зловещее пронзительное чириканье. Так могла бы говорить крыса, получившая возможность пользоваться человеческой речью.

Гант остановился и оглянулся на своих людей, его лицо было бледным и озабоченным. Было понятно, что идти дальше ему не хочется. Оглядев лица своих спутников, Феликс понял, что все чувствуют то же самое. День подходил к концу, они все утомлены и напуганы, а впереди нечто такое, с чем встречаться нежелательно. Но они — стражи канализации, единственным достоинством которых было мужество и готовность лицом к лицу встретить то, что другим не под силу, там, куда другим не дойти. Они обладали неким чувством собственного достоинства.

Готрек подбросил топорик в воздухе. Тот закрутился, отражая лезвием слабые отблески света. Когда он упал вниз, Истребитель Троллей без видимых усилий поймал его за рукоять. Паук вытянул из ножен нож с длинным лезвием и пожал плечами. Хеф недобро усмехнулся. Руди поглядел на свой короткий меч и кивнул головой. Гант оскалился. Истребитель Троллей выглядел довольным. Он вполне разделял тот вид безумия, что овладел его спутниками.

Гант сделал бесшумный жест, и они медленно двинулись вперёд, тщательно и без шума выбирая путь по покрытому слизью уступу. Когда все прошли поворот, он открыл свой светильник, чтобы осветить их цель.

Феликс слышал, как голос аристократа произнёс: «Прими это, как знак моего уважения. Кое-что для тебя лично». Две фигуры застыли, подобно сказочным троллям, окаменевшим под действием внезапного яркого света. Одним из них был высокий мужчина, облачённый в длинную чёрную робу, похожую на монашескую. Лицо аристократа — прекрасно сложенное,

равнодушное и надменное. Коротко остриженные чёрные волосы, оканчивающиеся „вдовым пиком“ {2} на лбу. Он склонялся вперёд, чтобы передать другой фигуре нечто, переливающееся зловещим светом. Феликсу оно было знакомо. Он уже видел это вещество раньше, в покинутой гномьей крепости Карак Восьми Вершин. То был шар искривляющего камня. Невысокий получатель сего человеком не был. Его мех был серым, глаза розовыми, длинный безволосый хвост напоминал Феликсу огромного червя. Щёлкнув хвостом, существо обернулось, косясь на свет. Оно полезло внутрь своей длинной залатанной робы и что-то сжало в своих когтистых лапах. За ремнём у него висел обнажённый ржавый клинок пилообразной формы.

— Скавен! — прорычал Готрек. — Готовься к смерти!

— Дурак-дурак, ты сказал, что за тобой не следили, — прочирикало существо своему собеседнику-человеку. — Ты сказал — никто не знает.

— Стоять на месте! — крикнул Гант. — Кто бы вы ни были, вы арестованы по подозрению в колдовстве, измене и жестоком обращении с животными.

То обстоятельство, что их только двое, восстановило уверенность сержанта. Его не устрасило даже то, что один из злоумышленников — чудовище.

— Эй, Паук, хватай и вяжи их.

Крысоподобное создание внезапно метнуло сферу, которую извлекло из своего одеяния.

— Умри-умри, глупые людишки.

— Задержать дыхание, — закричал Готрек.

Одновременно он метнул топорик вперёд.

Сфера скавена звякнула и разлетелась вдребезги, и зелёное, опасно выглядящее облако вырвалось наружу. Толкнув Феликса в обратном направлении прохода, Готрек схватил Руди и потянул его за собой. Из газового облака донеслись булькающие и удушливые звуки. Феликс почувствовал, что его глаза начинают слезиться.

Всё оказалось во тьме, когда погасли светильники. Это было похоже на кошмарный сон. Ничего не видать, страшно сделать вдох, вокруг узкий подземный коридор и где-то в нём чудовище, вооружённое смертоносным и непонятным оружием.

Феликс ощущал скользкую слизь на камнях под своими руками. Передвигаясь на ощупь, он внезапно ощутил пустоту. Его рука находилась над „рагу“. Потеряв равновесие, он боялся пошевелиться, чтобы не свалиться куда-нибудь и не окунуться в нечистоты. Он закрыл глаза, предохраняя их от жжения, и заставил себя двинуться дальше. Сердце его колотилось. Лёгкие готовы были взорваться. Между лопатками по коже побежали мурашки.

Каждое мгновение Феликс ожидал, что пилообразное лезвие вонзится в его шею. Он услышал, что кто-то за его спиной пытался вскрикнуть и не смог. Раздались булькающие звуки и ужасно тяжкое дыхание, словно лёгкие были наполнены жидкостью.

«Это газ», — подумал Феликс. Готрек рассказывал ему об используемых скавенами омерзительных видах оружия, созданных в результате соединения извращённого нечеловеческого воображения и алхимии, навеянной Хаосом. Он знал, что одного вдоха этого

мерзкопахнущего воздуха достаточно, чтобы умереть. Он также понимал, что не сможет сдерживать дыхание бесконечно.

«Думай, — сказал он себе. — Найди место, где воздух чист. Двигайся. Убирайся подальше от убивающего облака. Не паникуй. Не думай об огромной крысopodobной тени, всё ближе подкрадывающейся во тьме со своим обнажённым клинком. Пока ты сохраняешь спокойствие — ты в безопасности». Мучительно медленно, дюйм за дюймом, с лёгкими, жаждущими воздуха, он заставил себя продвигаться в безопасное место.

Потом что-то тяжёлое упало на него. Серебряные звёздочки замерцали в глазах, и весь воздух вышел из лёгких. И прежде, чем он смог себя остановить, вдохнул полный рот отвратительного воздуха. Он лежал во тьме, тяжело дыша, и медленно до него дошло, что он не умер. Он не задохнулся. Никто не воткнул нож в его спину. Он пытался заставить себя двигаться, но не смог. Похоже, что-то очень тяжёлое его придавило. Ужас объял его. Возможно, сломан позвоночник. Возможно, перелом конечностей.

— Это ты, Феликс? — услышал он шёпот Руди.

Феликс чуть не засмеялся от облегчения. Его придавил здоровенный приятель-страж.

— Да... где остальные?

— Я в порядке, — услышал он Хефа.

— Я тоже, братец.

То был Паук.

— Готрек, ты где?

Тишина. Наглотался газа? В это невозможно поверить. Истребитель Троллей не мог быть мёртв. Даже столь коварная штука, как газ, вряд ли смогла его убить. Это было бы несправедливо.

— Где сержант?

— У кого-нибудь есть огонь?

Чиркнул кремень. Замерцал, разгораясь, светильник. Феликс увидел нечто большое, в тенях продвигающееся к ним по уступу. Инстинктивно его рука потянулась за мечом. Меча не было. Он выронил его при падении. Остальные изготвилились и ждали.

— Это я, — сказал Истребитель Троллей. — Чёртов человек сбежал. У него ноги подлиннее.

— Где Гант? — спросил Феликс.

— Сам поищи, человеческий отпрыск.

Феликс протиснулся мимо и пошёл искать. Газ развеялся так же быстро, как и появился. Но над сержантом Гантом он успел поработать. Тот лежал в луже крови с широко раскрытыми глазами. Красные струйки стекали из ноздрей и рта.

Феликс осмотрел тело. Пульса не было, и оно уже остывало. Ран на теле не оказалось.

— Почему он умер, Готрек?

Феликс знал о магии, но в голове у него не укладывался факт, как можно убить человека, не оставив следов.

— Он утонул, человеческий отпрыск. Захлебнулся в собственной крови.

Голос Истребителя был полон холодной ярости.

«Возможно, именно так он справляется со страхом — преобразуя его в ярость», — задумался Феликс. Только когда гном отошёл и начал пинать какой-то труп, Феликс заметил мёртвого скавена. Его череп был разрублен метательным топориком.

Феликс уныло лежал на своём соломенном тюфяке и разглядывал растрескавшийся потолок, слишком уставший даже чтобы спать. Снизу доносились отзвуки криков, то Лизаветта ругалась с кем-то из практически бесконечного потока своих клиентов.

Феликс хотел было застучать в пол и крикнуть им, чтобы заткнулись или выметались, но знал, что это только прибавит ему проблем. И, как каждую ночь, решил, что поисками другого постоянного двора займётся завтра. Хотя знал, что назавтра он слишком устанет, чтобы заниматься этим.

Мысли в его мозгу металась подобно резвящимся крысам. Он был в таком состоянии, когда возникающие под воздействием усталости мысли самому себе кажутся чуждыми. Несвязанные между собой видения и запутанные цепочки рассуждений являлись из ниоткуда и так же исчезали. От усталости он даже не мог сожалеть о судьбе сержанта Ганта, убитого при исполнении службы, предназначившей ему могилу для бедняков на краю Садов Морра. Капитан стражи явно скучал и не уделил должного внимания донесению о чудесах в канализации. Ни семьи, чтобы оплакивать, ни друзей, кроме сослуживцев-стражей, прямо сейчас выпивающих в память о нём в „Пьяном Стражнике“.

Теперь Гант — хладный труп. «И то же самое легко могло произойти и со мной», — думал Феликс. Если бы он оказался не в том месте, когда взорвалась сфера. Если бы Готрек не сказал ему задержать дыхание. Если бы Истребитель не оттолкнул его в сторону от газа. Если бы, если бы, если бы ... Слишком много „если бы“.

Чем он занимается? Собирается ли он провести остаток дней своих, выслеживая чудищ во тьме? Казалось, смысл жизнь для него утрачен. Она просто протекает от одного бурного события к следующему.

Феликс задумался о других вариантах. Где бы он оказался сейчас, если бы не убил Вольфганга Красснера на той дуэли, не был бы отчислен из университета, не был бы лишён наследства своим отцом. Стал бы таким, как его братья, работающие в семейном деле — женатым, обеспеченным, обустроенным. Или что-то ещё пошло бы наперекосяк? Кто знает...

Небольшая чёрная крыса прошмыгнула по балкам комнаты. Когда он впервые осматривал этот чердак с единственным небольшим окном, то представлял себе, что, возможно, здесь хотя бы нет крыс, наводнявших все здания Нового Квартала. Он обманывал себя, полагая, что от попыток вскарабкаться по всем этим ступенькам грызуны получают сердечный приступ. Он ошибался. Крысы Нового Квартала были наглыми и рискованными, а питались, похоже, получше большинства людей. Он видел одну, здоровенную, гонящуюся за кошкой.

Феликс содрогнулся. Он пожалел, что начал думать о крысах — это заставляло его вернуться

мыслями к таинственному аристократу и скавену из канализации. Что было целью той тайной встречи? Какую выгоду рассчитывал получить любой человек, имея дело с настолько чуждым уродом. И как случилось, что население может кутить и развратничать на многочисленных улицах Нульна, не подозревая о том, что злобные создания копаются, ползают и гнездятся не более чем в шести футах у них под ногами? Вероятно, они просто не хотят знать об этом. Возможно, правдиво утверждение некоторых философов о том, что приближается конец света, и лучше просто отдаться поиску удовольствий, какие только возможны.

На лестнице слышались приближающиеся шаги. Он слышал, как скрипят под весом старые расшатанные доски. Он давно собирался пожаловаться на то, что всё это здание представляет собой смертельную опасность в случае пожара, но фрау Зорин постоянно выглядела слишком несчастной и жалкой, чтобы её этим беспокоить.

Шаги продолжали приближаться, миновав лестничную площадку внизу.

Феликс нащупал свой кинжал под подушкой. Он не знал никого, кто мог бы посетить его в это время суток, а постоянный двор фрау Зорин находился в самом бандитском районе Нового Квартала.

Не поднимая шума, он поднялся и босыми ногами, на цыпочках, подошёл к двери. Он воздержался от проклятий, когда в подошву ступни вонзилась заноза. В дверь постучали.

— Кто там? — поинтересовался Феликс, хотя ответ уже был ему известен.

Сквозь тонкое дерево двери он распознал тяжёлое дыхание старой вдовы.

— Это я, — выкрикнула фрау Зорин. — К вам посетители, господин Ягер.

Феликс осторожно приоткрыл дверь. Снаружи стояла пара здоровенных плотных мужиков. В руках они сжимали дубинки, и было похоже, что пользоваться ими они умеют. Феликса заинтересовал мужчина, по бокам которого те стояли. Мужчина передал домовладелице золотую монету, которую та взяла с заискивающей улыбкой. В тот момент, когда он обернулся в сторону двери, Феликс узнал его. То был Отто — его брат.

— Заходи, — произнёс Феликс, оставляя дверь открытой.

Отто долго стоял, уставившись на него, словно не мог признать своего младшего брата. Затем он вступил в комнату.

— Франц, Карл, оставайтесь снаружи, — спокойно произнёс он.

В его голосе слышались властные нотки, чего Феликс ранее за ним не замечал — похожим образом, тихо и отрывисто, разговаривал отец.

Внезапно Феликс чётко осознал бедность, окружавшую его — пол без ковра, убогий соломенный тюфяк, голые стены, дыра в наклонной крыше. Он взглянул на эту картину глазами своего брата, и это его не впечатлило.

— Что тебе нужно, Отто, — резко спросил он.

— Твой вкус в выборе жилища не сильно изменился, не так ли? Всё те же трущобы.

— Вряд ли ты проделал весь путь от Альтдорфа, чтобы обсудить обстановку моего пристанища.

Что тебе нужно?

— Ты так и будешь держать тот нож наизготовку? Я не грабить тебя пришёл. Иначе я захватил бы с собой Карла и Франца.

Феликс плавно вставил кинжал в ножны.

— Возможно, я удивил бы Карла и Франца.

Отто наклонил голову в сторону и изучил лицо Феликса.

— Возможно, ты бы смог. Ты изменился, братишка.

— Как и ты.

Так и было. Отто был такого же роста, как Феликс, но значительно шире. Он поднабрал вес. Его грудная клетка расширилась, и бёдра увеличились в размерах. Широкий кожаный ремень туго стягивал его большое рыхлое брюхо. Феликс предположил, что под его густой белой бородой скрывается несколько подбородков. Щёки заплыли жиром и казались надутыми, волосы поредели, появились мешки под глазами. Голова вызывающе выдавалась вперёд. Он стал походить на старика.

— Ты всё больше похож на отца.

Отто криво усмехнулся.

— Печально, но справедливо. Я боюсь, что от хорошей жизни. Ты же выглядишь так, словно тебе бы это не помешало. А то стал кожа да кости.

— Как ты меня нашёл?

— Да ладно, Феликс. Ты думаешь, как я смог тебя найти? Мы хотели разыскать тебя, и у нас есть свои шпионы. Как ты полагаешь, сколько в Империи высоких блондинов, путешествующих в обществе гномов-истребителей? И когда в мою контору пришло донесение о двух наёмниках, подходящих под описание, я решил, что лучше проверю это лично.

— Твоя контора?

— Я теперь веду дела в Нульне.

— Что случилось с Шаффером?

— Пропал.

— С деньгами?

— По-видимому, нет. Мы думаем, его посчитали политически неблагонадёжным. У графини весьма эффективная тайная полиция. Подобные вещи нынче происходят в Нульне.

— Только не Шаффер! Во всей Империи не было более верноподданного гражданина. Он же боготворил Императора.

— Нульн всего лишь часть Империи, брат. Здесь правит графиня Эммануэль.

— Но, говорят, она самая легкомысленная женщина в Империи.

— Фон Гальштадт, её главный судья, весьма эффективен. Он — настоящий правитель Нульна. Он ненавидит мутантов. А ходили слухи, что Шаффер начинал показывать стигматы.

— Никогда.

— Так говорил и я. Но поверь, братишка, Нульн не то место, где можно попадать под подозрение в мутации. Такие люди исчезают.

— Но это же наиболее свободный от предрассудков город Империи.

— Уже нет.

Отто боязливо огляделся, словно почувствовав, что сболтнул лишнего. Феликс с сожалением покачал головой.

— Не беспокойся, брат. Шпионов тут нет.

— Не будь так уверен, Феликс, — сказал он приглушённо. — Нынче в этом городе и стены имеют уши.

Когда он заговорил опять, его голос был громок и в нём были нотки показной сердечности.

— В любом случае, я зашёл спросить, не желаешь ли завтра со мной отобедать. Если ты не против, мы могли бы перекусить в каком-нибудь заведении.

Феликс одинаково хотел и отказаться, и поговорить с братом ещё. Была возможность узнать множество семейных новостей и даже вероятность возвращения в отчий дом. Одна эта мысль одновременно пугала и привлекала его.

— Да, с удовольствием.

— Хорошо. Моя карета заберёт тебя отсюда.

— После работы.

Отто медленно покивал головой.

— Разумеется, Феликс. Разумеется.

Они распрощались. И только после ухода брата Феликс призадумался, что же могло настолько напугать человека с властью и влиянием Отто, чтобы тот беспокоился о соглядатаях в местах, подобных постоялому двору фрау Зорин.

Фриц фон Гальштадт, глава тайной полиции Нульна, размышлял, обложившись документами. Чёртов гном едва не поймал его. Тот почти дотронулся до него своими немытыми лапами. Он уже был так близок к тому, чтобы все его труды пропали даром. Одного удара было бы достаточно. Это ввергнет во тьму и хаос город, который фон Гальштадт поклялся защищать.

Фон Гальштадт потянулся и достал свой укороченный стеклянный кувшин. Вода ещё была тёплой. Хорошо, слуга кипятил её точно одиннадцать минут, как он приказывал. Он был удовлетворён. Фон Гальштадт налил что-то в стакан и внимательно осмотрел. Он поднял стакан к свету и проверил на наличие осадка и взвесей. Ничего не было. Никаких загрязнений.

Хорошо.

Хаос приходит легко. Он повсюду. Мудрый знает это и использует себе на пользу. Хаос принимает множество форм — одни лучше, другие хуже. Существуют относительно лёгкие формы, вроде скавенов, и существует разлагающая болезнь мутаций.

Фон Гальштадт полагал, что крысолюди всего лишь желают оставаться в покое, чтобы править своим подземным королевством и вести присущий им образ жизни. Они разумны и опыты, с ними можно иметь дело. Если у тебя есть то, что им нужно, они готовы заключать и соблюдать соглашение. Разумеется, у них есть свой интерес, но это делает их предсказуемыми, контролируемыми. Они не любят мутантов — мерзких, коварных и злых созданий, что таятся повсюду, тайно управляя миром.

«Все мы легко можем оказаться марионетками в руках мутантов, — раздумывал он. — Именно поэтому мы должны быть бдительны. Враги повсюду, их постоянно рождается всё больше и больше. Хуже всего неопрятные, ленивые и бесполезные простолюдины, плодящиеся бесконечной чередой. Большинство мутантов рождается в этом стаде. В этом есть свой извращённый смысл. Их множество и они ужасающе безнравственны, похотливы и распущены».

От подобной мысли он в ужасе застыл. Он знал, что мутанты пользуются тупостью простолюдинов. Они умнее. Они используют необразованных ленивых болванов, забивают им головы мятежной чушью, подкармливают их завистливое раздражение на вышестоящих, подстрекают их к бунту, грабежу и разрушению. Погляди, как они разорили его несчастного отца, когда в ходе одного из своих жестоких восстаний сожгли усадьбу до основания. А ведь его отец был добрейшим и великодушнейшим человеком на свете.

Ладно, Фриц фон Гальштадт не сделает подобной ошибки. Он слишком умён и слишком силён. Он знает, как разобраться с революционерами и выскочками. Он охранит и защитит человечество от угрозы мутантов. Он будет бороться с ними их собственным оружием — террором, хитростью и беспощадной жестокостью.

Вот почему он хранит свои папки, хотя его горячо любимая правительница Эммануэль смеётся над ними, обзывая „его секретной порнографией“. Среди этих записей, любовно детализированных и снабжённых перекрёстными ссылками, скрывалась особенная сила. Информация — это сила. Он знал всех потенциальных революционеров. Его сеть шпионов и соглядатаев обеспечивала информацией. Он знал, кто из людей благородного происхождения принадлежит к Тёмным Культам, и постоянно следил за ними. У него были источники, способные проникнуть в любое место встречи, которых бы никто не заподозрил.

Это было частью его сделки со скавенами. Они много чего знали и могли узнать ещё больше. Их маленькие шпионы повсюду и находятся вне подозрений. Он использует их тёмную мудрость и воспользуется услугами меньшей из двух зол, чтобы сдержать великую анархию.

Он поднял маленькую рамку с портретом, что получил от Эммануэль, и облизнул свои тонкие губы. Задумался, почему для его папок с документами она выбрала слово „порнография“. Он был потрясён, что она пользуется подобным словом, наверняка зная, что оно означает. Должно быть, это всё её братец! Дурное влияние Леоса. Эммануэль слишком хороша, чиста и незапятнанна, чтобы самой выучить подобное слово. Возможно, следует приставить к ней его шпионов, просто проследить за ...

Нет, она же его правитель! Все его труды — для неё. Даже если сейчас графиня не сознаёт их

ценность, однажды она её признает. Шпионить за ней означало пересечь тот предел, который он сам себе определил. С другой стороны, иногда он подозревал, что среди тех наветов, что он о ней слышал, предположительно могут содержаться зёрна правды, и обнаружить это было бы слишком мучительно.

Он поставил портрет обратно на стол. Он позволил себе отвлечься от главной проблемы. Гном и стражи канализации. Могли ли они его узнать? Что же ему следует сделать, если им удалось? Они обычные мужчины, выполняющие свою обычную работу. Как и он, они стараются сдерживать Хаос. Но смогут ли они понять необходимость его действий? А если нет, то возможно понимают, что необходимо обеспечить их вечное молчание.

Страдающие от похмелья стражи медленно спускались под землю. Спускаясь через канализационный люк, они один за другим карабкались вниз по лестнице. Руди, назначенный сержантом, зажёл фонарь и осветил туннель.

Несмотря на то, что он осторожно сошёл с лестницы на бортик, вонь ударила по Феликсу подобно молоту. Это была самая ответственная часть работы. Между краем пешеходной дорожки и лестницей был чистый промежуток всего в один фут шириной. Неверный шаг — и многие непотрезвевшие стражи оказывались в „рагу“.

— Ты пропустил вчерашнюю ночь, малыш Феликс, — сказал Хеф.

— Мы проводили сержанта со всеми почестями, — добавил Паук.

— Готрек опустошил семь кружек эля одну за другой, и ему даже не поплохело. Ещё до первой стражи мы потратили недельное жалование.

— Я весьма рад за вас, — сказал Феликс.

После своих подвигов Готрек выглядел не хуже обычного. Из всех стражей он был единственным, кто не выглядел больным. Остальные были бледны, напоминали призраков и передвигались шаркающей стариковской походкой.

— Эх, ничего лучше „рагу“ не прочищает голову с похмелья, — сказал жутко больной Хеф, пытаясь высунуть голову за край пешеходной дорожки.

— Отлично прочищает голову, — добавил Руди без всякой иронии.

— Да уж вижу, — сказал Феликс.

— Мы проследуем к месту, где был убит сержант, — сказал Руди. — Мы вчера так решили. Посмотрим, может удастся выследить подонка, что снюхался со скавенами. Возможно, если не найдём его, то обнаружим кого-нибудь из его маленьких приятелей с розовыми хвостами.

— А что если у них ещё больше таких газовых бомб? — спросил Феликс.

— Не о чем беспокоиться. Готрек — старый туннельный вояка. Он объяснил, как с этим разобраться.

— Да неужели?

— Да. Мы намочили свои шарфы в моче и дышим через них. Это не пропускает газ.

— Я предполагал нечто подобное, — сказал Феликс, пристально глядя на Истребителя

Троллей, гадая, действительно ли остальные убеждены в правоте заявления Готрека, либо просто подшучивают над ним.

Единственный взгляд на их измождённые решительные лица убедил его в том, что справедливо первое.

— Это правда, человеческий отпрыск. Это срабатывало, когда мои предки воевали со скавенами в Караке Восьми Вершин.

— Как скажешь, — ответил Феликс.

Он мог бы добавить, что предстоит долгий день.

<http://tl.rulate.ru/book/2491/46999>